

Ольга Пустошинская

В ЧУЖОМ ДОМЕ

16+

Ольга Пустошинская

В чужом доме

«Автор»

2020

Пустошинская О.

В чужом доме / О. Пустошинская — «Автор», 2020

Самый обычный поход в магазин обернулся для Людмилы Павловны трагедией: на пешеходном переходе её сбила машина. Очнувшись в палате интенсивной терапии, пенсионерка обнаружила своё тело на соседней кровати, а себя — в теле молодой женщины.

© Пустошинская О., 2020

© Автор, 2020

Ольга Пустошинская

В чужом доме

1

Навалившаяся темнота постепенно рассеивается, я открываю глаза-бусинки и смотрю на проблески голубого неба через колышущиеся над головой высоченные стебли травы. Всё яркое, пёстрое, мне никогда не приходилось видеть такого буйства красок. Встряхиваюсь, отталкиваюсь лапками от большого камня и взрываю высоко в облака.

Тишина... Я лечу над землёй, широко раскинув руки-крылья, внизу мелькают квадратики полей, извилистая полоска реки, щёточки лесов, жёлтая степь, города... Меня распирает от ощущения полного счастья, хочется кричать и петь. Рот становится острым и твёрдым, как птичий клюв, и из горла вырывается жизнерадостная трель: чиу-чиу- чиу!

И вдруг – боль. Я пугаюсь и падаю вниз, широко открыв клюв, ветер ломает мне крылья. С ужасом вижу, как стремительно приближается земля, сжимаюсь в комок от страха, ожидая удара.

– Реакция на боль есть, Анатолий Сергеевич, – прозвучал будто издавна женский голос.

– Очень хорошо, будем надеяться, что выкарабкается, – ответил приятный мужской баритон. – Второй куда меньше повезло, ни на что не реагирует...

Что-то звякнуло, зашуршало, и голоса стихли. Я осматриваюсь, кручу маленькой головкой, расправляю крылья и снова взрываю в небо. Опять вижу сверкающую на солнце ленту реки, зелёные леса и тёмные вершушки гор. Чиу-чиу-чиу! Это и есть счастье...

– Катенька, глюкозу внутривенно.

Мягкие шаги, чьё-то чужое дыхание, тихий шелест, позвякивание металла о металл... Сон это или явь? Я чуть шевельнула головой и почувствовала какое-то неприятное ощущение в горле, будто там застрял инородный предмет. Надо открыть глаза. Надо сделать над собой усилие и открыть глаза. Мысленно сосчитала до трёх и подняла веки. В глазах была пелена, будто от яркого солнца.

Я лежала под лёгкой простынёй на металлической, сложной конструкции кровати, с поручнями и высокими трубчатыми спинками. Правая рука зафиксирована, от локтевого сгиба, заклеенного пластырем, тянулся тонкий провод капельницы. Из носа торчала короткая трубка, при малейшем движении вызывающая рвотные позывы. В изголовье – мониторы и приборы неизвестного мне назначения, по обе стороны – такие же металлические кровати, только никем не занятые; маленький столик на колёсиках для инструментов. Я вздохнула: всё ясно как божий день, это больница, точнее – реанимация. До сегодняшнего дня мне везло не знать этого места.

Снова слышались мягкие шаги, я увидела молодую женщину в голубой блузе и брюках, наверно, врача или медсестру.

Заметив мой осмысленный взгляд, она ахнула, выскочила из палаты и вскоре вернулась с мужчиной, симпатичным и не старым, в такой же голубой форме.

– Очнулись? – обрадованно улыбнулся он. – Прекрасно. Как себя чувствуете, беспокоит что-нибудь?

К удивлению, меня ничего не беспокоило, чувствовала я себя хорошо, как уже давно не было, мешала лишь несильная боль в ноге и рёбрах, да ещё эта трубка в носу, поэтому мотнула головой: нет.

– Меня зовут Анатолий Сергеевич, врач-реаниматолог. Сколько пальцев показываю?

Я посмотрела на его выставленные пальцы, обтянутые тонкой перчаткой:

– Три. Почему я здесь? Я больна?

Он посветил маленьким фонариком в глаза, проверяя реакцию зрачков, и сказал:

– Вы попали в ДТП. Помните?

В голове возник калейдоскоп сменяющихся картинок: люди пропускают поток машин на пешеходном переходе, какой-то мальчишка в синей майке выбегает на проезжую часть. Я охаю, внутренне сжавшись от страха, вдруг получаю толчок в спину и падаю на дорогу, растопырив руки. Вижу автомобиль, круглые от ужаса глаза водителя, его перекошенный, открытый в немом крике рот. Потом боль волной обдала тело, и всё погрузилось в темноту.

– Помню... на меня наехала машина, – выдохнула я и откашлялась. Голос показался мне хриловатым, низким, не моим.

– К счастью, она вас не задела.

– Не задела? – не поверила я. – Тогда почему я здесь?

– Вы долго были без сознания. Мы ещё понаблюдаем, сделаем обследования... Если всё будет хорошо – переведём в отделение. Жалобы есть? Что-нибудь беспокоит? – Анатолий Сергеевич бесцеремонно откинул простыню, и я зажмурилась от стыда.

– Нога болит... и вот здесь. И с голосом что-то не то.

– Что с голосом? – насторожился врач.

– Хриплый, какой-то не такой.

– Это от сухости и зонда, потом пройдёт... Вы курите?

– Боже упаси. В моём-то возрасте...

Он улыбнулся, будто я сказала что-то смешное.

– Отдыхайте... Да, вам просили передать, что с сыном всё хорошо, он жив и здоров.

Я посмотрела непонимающе:

– С каким сыном? У меня дочь... Господи, что случилось?

– Дочь? – Анатолий Сергеевич удивлённо поднял брови. – Я наверняка не так понял. Не переживайте и не волнуйтесь, с ней всё хорошо.

Они с медсестрой прошли за перегородку в конце палаты. Я тоже посмотрела в ту сторону, но ничего не увидела, лишь край трубчатой кровати и чьи-то ноги, укрытые простынёй. Значит, я здесь не одна. Медленно обвела взглядом помещение, скользнула глазами по потолку, загляделась на мониторы. Зафиксированной руке было неудобно, наверно, затекла без движения. Я пошевелила пальцами...

Удлиненные, ярко-розовые ногти, какие-то выпуклые, не похожие на настоящие, с мастерски нарисованной божьей коровкой – это были не мои ногти. Да что ногти, пальцы не мои! Не узловатые, покрасневшие, а ровные и белые. Кисть тонкая, с родинкой на запястье. Господи, это галлюцинация? Ну конечно, у некоторых препаратов есть такое побочное действие.

Зажмурилась, уговаривая себя успокоиться, открыла глаза, поднесла руку к самому лицу. Божья коровка с чёрными точечками на крылышках блестела на отполированном розовом ногте.

Беззвучно подвывая и задыхаясь, я откинула простыню и увидела вместо своего тела чужую загорелую женщину с маленькой грудью и длинными ногами (на бедре красовался большой болезненный кровоподтёк), с крупными, почти мужскими ступнями.

Не может быть! Не доверяя глазам, точно слепая, ощупала лицо, и не узнала его. Я закашлялась, вытянула трубку из носа и прохрипела:

– Помогите... помогите кто-нибудь...

– Что случилось? – встревоженная медсестра заторопилась к моей койке. – Зачем зонд выдернули?

– Рука... рука...

– Затекла? – Она развязала фиксирующий бинт. – Вот так лучше.

– Рука не моя, всё не моё!

– Успокойтесь, Мила.

Почему Мила? Милой меня называл только покойный муж, для всех остальных я Люся или Людмила Павловна.

– Зеркало... у вас есть зеркало?

Медсестра скрылась за дверью и вернулась с маленьким круглым зеркальцем. Волнуясь до подрагивающих рук, я поднесла его к лицу и увидела в отражении выпуклый лоб с прилипшими прядями осветлённых волос, тёмные чужие глаза с голубоватыми кругами, крупный курносый нос, неестественно чёрные, будто приклеенные брови. Желтоватые волосы не скрывали оттопыренных ушей с большими мочками. Я чуть повернула зеркало и увидела полные губы, приоткрывающие ряд искривлённых зубов. Господи! Это не моё лицо!

Зеркало упало на простыню.

– Что-то не так? – спросила медсестра.

– Всё не так! Это не я, не мои руки, не моё тело, не моё лицо! Что вы со мной сделали?!

– Успокойтесь, прошу, у вас галлюцинация, такое бывает, – сказала медсестра и выглянула в коридор. – Анатолий Сергеевич, подойдите!

2

– Назовите своё имя.

– Пантелеева Людмила Павловна.

Врач протянул руку и взял со столика чью-то историю болезни. Я проследила за ним глазами и успела ухватить начало размашисто написанной фамилии: «Панте...» Доктор бросил на медсестру испепеляющий взгляд и сунул в ей руки историю: убери.

– Зачем вы читали чужие документы? – пожурил он.

– И не думала. Пантелеева – это я.

– Вы? Людмила Павловна, шестьдесят четыре года?

– Всё правильно.

– Ну вот... А я-то надеялся, что без последствий обойдётся. Вы помните тот день, когда случилось ДТП? Расскажите.

– Я пошла в магазин купить кое-что из продуктов...

Дел у меня всегда невпроворот. Многие думают, раз пенсионерка, то лежит себе на диване и в потолок поплёвывает. Есть, конечно, и такие... Либо на диване бока отлёживают, либо на лавке у подъезда юбки просиживают, а на самом деле – сплетничают. Хотя какие сейчас юбки? Подавляющее большинство женщин, даже пожилых, носят брюки. Я не осуждаю, боже упаси. Удобно – носите.

Мне сплетничать некогда. Сад отнимает много времени и сил: надо высаживать рассаду, сеять редис и морковь, подкармливать, рыхлить, поливать, пропалывать...хлопотно, конечно, но лучше так, чем с утра до вечера на лавке спле...общаться. И зимой нахожу себе занятия. Работаю за компьютером, вышиваю крестиком, совершенствуюсь в кулинарии...

– Здравствуйте!

– Здравствуй, Люся. Куда собралась? В сад? – Ох и любопытные эти соседки!

– Нет, в магазин.

– За продуктами?

– За продуктами.

Магазин от дома недалеко, только дорогу перейти. Очень удобно. Я дождалась разрешающего сигнала светофора, пересекла проезжую часть вместе с толпой пешеходов и заторопилась к стеклянным раздвижным дверям гипермаркета. На входе взяла красную пластиковую корзинку и пошла по отделам.

Так... хлеб, яблоки (свои, садовые, ещё не скоро будут), яйца в картонной упаковке и сардины в масле. Да, ещё не забыть молоко.

Возле витрины с йогуртами ревел мальчишка лет шести-семи, прижимая к себе какой-то десерт в стаканчике. Обычное дело, дети часто выпрашивают что-нибудь у родителей, прибегая к слезам. Но мать мальчишки, молодая женщина с осветлёнными короткими волосами, упорно держала оборону.

– Положь на место, кому сказала! – рявкнула она.

Порадовавшись про себя, что моя внучка никогда не устраивала истерик в магазинах, я подхватила пакет молока и заторопилась к крайней кассе, где в очереди топталось человека четыре или пять.

– Пропустите с ребёнком! – раздался над ухом резкий голос. Ротой бы командовать с таким голоском.

Я инстинктивно прижалась к ленте. Мазнув по спине корзинкой, мимо протиснулась мать с мальчишкой из молочного отдела.

– А где же ребёнок? – удивилась я, ожидая увидеть грудничка на руках или в коляске.

– А это кто, не ребёнок, что ли? – подтащила она зарёванного сына.

Я мельком глянула в наглые раскосые глаза, вперившиеся в меня из-под завитой чёлки, и отвернулась. Поняв, что из очереди её выталкивать не будут, женщина стала нервно и быстро выкладывать товар на ленту.

– Ну куп-и-и... – противно канючил мальчишка, дёргая карман её голубых брюк.

– Сейчас порвёшь! – Раздражённая мать ударила его по руке, ребёнок зашёлся в оглушительном крике.

Покупатели принялись разглядывать жевательную резинку и конфеты на витрине, рекламу соков и воды под потолком – делали вид, что всё происходящее их совершенно не касается. Но вот, слава богу, молодуха расплатилась и ушла, увлакивая за руку плачущего ребёнка и награждая его подзатыльником.

По пути я зашла в аптеку, купила закончившиеся лекарства от давления и для пищеварения, крем от мозолей. Теперь можно идти домой.

Стоя на пешеходном переходе, я снова услышала этот ноющий голос.

– Ну ма-а-ам...

Скосила глаза и увидела нервную мать из гипермаркета. Не расстанемся мы сегодня никак! Повесив пакет с продуктами на руку, она уткнулась в смартфон и быстро-быстро тыкала пальцем с наманикюренным ногтем по экрану. Мальчишка цеплялся за сумку и кривил губы.

– Сейчас ты у меня получишь, – пообещала родительница, не отрываясь от телефона.

Дальнейшее произошло молниеносно. Ребёнок дёрнулся, бросил полный ненависти взгляд на мать и двумя скачками оказался на проезжей части. Кто-то за спиной охнул, раздался крики, слившиеся в один. Я почувствовала сильный толчок и, вытянув вперёд руки, полетела на дорогу. Хлопнулся рядом пластиковый пакет, потёк по асфальту белый молочный ручеек. Визг тормозов, перекошенное лицо водителя, пытающегося уйти от столкновения... и темнота.

– Это всё, что вы помните? – нахмурился врач.

– Да.

– Мила Михайловна, возьмите ещё раз зеркало и посмотритесь в него, не бойтесь. Кого вы видите?

– Я вижу не себя, если вы об этом.

– А кого же?

– Одну истеричку.

Он рассмеялся и похлопал меня по руке:

– Самокритика – дело хорошее, если в меру. Мила, я настоятельно прошу вас больше так не шутить. Кома – очень серьёзный диагноз, для многих это билет в один конец. Вам повезло, да... Но последствия бывают самыми разными, в том числе различные нарушения памяти. Если шутка затянется, то вам потребуется консультация и психиатра тоже.

Я подавленно молчала. Он принял это за знак согласия, кивнул и вышел за дверь. Выждав минуту, я выбралась из своей кровати сложной конструкции, удивляясь, как легко двигается тело, что не болят суставы, беспокоившие меня много лет. Завернувшись в простыню и босиком, на цыпочках, двинулась к перегородке, которая притягивала меня как магнитом. Сейчас я всё узнаю.

На точно такой же кровати, окружённое мониторами, с прилепленными к груди датчиками, с широкой трубкой во рту, лежало моё бессознательное тело, укрытое простынёй. Дрожащей рукой я приподняла ткань... Никакой ошибки, тело было моим.

Оглушённая и раздавленная, я по стеночке побрела обратно, перелезла через поручни в кровать. Видеть саму себя в беспомощном состоянии, может, даже умирающей... это ужасно. Это слов не подобрать.

В ту ночь было не до сна, сотни мыслей не давали покоя. И плакала, жалея себя, настоящую, и ненавидела эту истеричку Милу, толкнувшую меня под машину. Случайно, скорее всего, но от этого ничуть не легче.

Медсестра проверила приборы и вышла за дверь. Я воспользовалась её отсутствием, чтобы ещё раз выбраться из кровати и пройти за перегородку, постоять рядом с... собой. А как ещё скажешь?

– Доброе утро. Ну как, вы готовы? – Анатолий Сергеевич улыбался, заложив руки в карманы своей голубой блузы.

– К чему? – испугалась я, натягивая простыню до подбородка.

– Как – к чему? К переводу в отделение. Сейчас вас отвезут.

Медсестра принесла откуда-то большой пакет, в котором оказались бельё, майка, тонкие синтетические брючки, тапки, полотенце, средства гигиены в прозрачной косметичке, документы в пластиковой папке и старый кнопочный телефон с зарядником.

Я удивилась:

– Откуда это?

– Ваш муж принёс.

– Мой муж? – глупо спросила я. – Он умер...

Медсестра, к счастью, не расслышала последней фразы:

– Разумеется, не мой же.

До сих пор мне не приходило в голову, что у этой Милы есть семья, супруг, ребёнок, наверняка даже не один, родители, родственники, свёкры, собаки-кошки... Есть дом, где она жила, работа, детский сад, куда она водила сына; салоны красоты, где ей делали маникюр-педикюр. Я почему-то считала само собой разумеющимся, что вернусь в свою квартиру на улице Парковой.

– Одевайтесь, сейчас поднимем вас в отделение.

Я натянула трусы и лифчик с кружевами, снова изумляясь тому, как двигается по моей воле чужое тело, этим тонким рукам и ногам с ярко накрашенными ногтями. Досадливо морщась, надела обтягивающие штанишки и белую майку с надписью: «Все люди как люди, а я суперзвезда». Бросила прощальный взгляд на перегородку, за которой лежало моё несчастное тело, подключённое к ИВЛ и облепленное датчиками.

– Садитесь сюда, – медсестра указала на синюю, с чёрными поручнями и подставками для ног кресло-каталку.

– Зачем? Я могу сама идти.

– Затем, что так положено, чтобы вы не упали и не получили новых травм.

Я уселась в кресло, пристроила на коленях пакет с вещами, мы покатали в коридор, где едва не столкнулись с девушкой, разговаривающей с врачом.

Это была Вероника, моя дочь. Я впиалась взглядом в родное, такое усталое лицо, в её глаза с голубоватыми полукружиями теней.

– Вероника...

Она посмотрела в мою сторону, но, кажется, никого не увидела, таким отсутствующим и отрешённым был её взгляд.

– ... состояние стабильно-тяжёлое, поддерживаем, – услышала я конец фразы.

– Можно зайти в палату? – спросила дочь и часто-часто заморгала, пытаясь не заплакать.

– Нет, этого нельзя.

Коридор, лестница, люди – всё поплыло перед глазами, закрывающиеся двери лифта превратились в мутное радужное пятно. Я всё ещё видела Веронику, слышала её голос...

В отделении меня с рук на руки передали постовой медсестре. Та приняла документы, мельком глянула на титульный лист истории болезни и коротко бросила:

– Чурбанова... в четвертую палату.

Так я узнала «свою» фамилию...

3

Из четырёх коек занята была только одна: на подушке лежал кулёк из свёрнутой одежды, на тумбочке – коричневая косметичка и керамическая кружка с ручкой в виде фигурки лисы.

Первым делом я вытащила из пакета телефон и пластиковую папку с документами, привычно стала шарить по покрывалу рукой, разыскивая футляр для очков, которого не было, разумеется. Очки оказались не нужны: зрение у Милы было хорошим.

Её паспорт... Чурбанова Мила Михайловна, тридцати пяти лет. Зарегистрирован брак с Сергеем Васильевичем Чурбановым тридцати восемью лет, имеет сына Степана, проживает по адресу: улица Космонавтики, дом... квартира... Полис, СНИЛС... Вот ещё свидетельство о рождении, положенное в папку на всякий случай.

Клюева Мила Михайловна. Отец – Клюев Михаил Иванович, мать – Клюева Валентина Константиновна – вот и всё, что удалось узнать о той, чьё тело я вынуждена носить. Аккуратно сложила документы в папку и убрала в тумбочку.

Бедная моя Вероника... Я даже не могу подойти к ней, заговорить, успокоить... Она будет мучиться всё время, пока... пока что? Пока я не вернусь в своё тело.

На чужой койке затренькал-завибрировал смартфон. Я скосила глаза и увидела светящийся экран на покрывале, а чуть дальше, на подушке, спящего ребёнка-грудничка, которого я приняла за свёрток с одеждой. Младенчик в розовых ползунках, распашонке и чепчике с топорщившимися кружевами спал, зажмурив глазки и сморщив крошечное личико. Как крепко спит, даже телефон его не разбудил. Интересно, а разве можно здесь лежать с ребёнком?

Я подошла, отодвинула подальше телефон и тут заметила, что младенец – девочка, судя по розовому наряду – не дышит, не подрагивают губки и пальчики, не шевелится животик. Коснулась пальцем ручонки и почувствовала не живую плоть, а твёрдую резину. Кукла. Но до чего похожа на настоящего младенца!

Слышала, слышала я про таких. С первого взгляда и не поймёшь, что это не живое дитя, а всего лишь дорогостоящее произведение какого-нибудь мастера из интернета. Вероника говорила, что многие женщины, вышедшие из детского возраста, с ума сходят по таким куклам, покупают им одежду на все сезоны, подгузники, коляски, смеси для кормлений, ну или готовят что-то похожее на молоко из воды и белой акварельной краски. Сумасшедшие... или занять себя больше нечем. Я представила себя, гуляющей с куклой и готовящей для неё смеси из краски и мела, и не сдержалась, улыбнулась.

Распахнулась дверь, и в палату вошла молодая женщина, годящаяся мне в дочери, одетая в белую майку и шорты, с куцым хвостиком волос, стянутых на затылке резинкой. Она кивнула вместо приветствия и заговорщицким шёпотом с улыбкой спросила:

– Не плакала?

– Кто? – опешила я.

– Дочка, Сонечка.

Ну вот, посчастливилось лично познакомиться с такой заигравшейся. Я усмехнулась:

– Нет, не плакала. Куклы не плачут.

– Куклы? А, ну да, она хорошенькая, как куколка. А я переживала – задержали на процедурах. Тебя как зовут? Меня Марина.

– Людмила Павловна, – быстро ответила я, но тут же спохватилась: – Можно просто Мила.

Соседка взяла куклу на руки, заговорила с ней, улыбаясь и сюсюкая, сняла ползунки, поменяла совершенно сухой подгузник на новый, взятый из упаковки в тумбочке. Я следила за происходящим во все глаза.

– Ты не переживай, она у меня спокойная, лишний раз и не пискнет, – подняла голову Марина. – Сейчас я её покормлю!

Она привычным движением задрала майку, высвободила из бюстгальтера грудь и сунула сосок в резиновый ротик куклы.

Это уже слишком! Мне захотелось сказать что-нибудь резкое и обидное. Что время игр с пупсами давно прошло, чтобы прекращала этот дешёвый театр, убрала куклу в пакет и родила себе настоящего ребёнка для усмирения материнского инстинкта. Хотела, но вовремя прикусила язык: кто я такая, чтобы судить? Здесь, в нейротравме, не просто так оказываются... Приди мне в голову охота рассказать свою историю с чужим телом, то через пару недель окажусь я в областной психиатрической больнице с диагнозом шизофрения...

Марина «покормила» реборна и осторожно, поддерживая кукольную головку, уложила на подушку:

– Как хорошо, что Сонечка на грудном вскармливании, с бутылочками здесь возиться некогда, стерилизовать негде. А у тебя есть дети?

– Да, у меня дочь.

– Маленькая? Сколько ей?

– Для меня она всегда будет малышкой, – отшутилась я. – Как вам разрешили пронести ребёнка в отделение?

– Говори мне «ты», – улыбнулась Марина. – Понимаешь, они все здесь такие доверчивые. Я говорю, что это кукла, и они, представь, верят!.. Нет, конечно, они не сумасшедшие, просто наивные, глуповатые...

– Это врачи-то? – рассмеялась я, но Марина, кажется, не поняла иронию и стала рассказывать, как она сюда попала.

Ей жутко ей не повезло: неудачно упала во время катания с велосипеда, сильно ушиблась, в том числе и головой. В итоге – сотрясение мозга. Ребёнка девать было некуда, поэтому пришлось взять с собой.

Повисла пауза, и по выжидательному взгляду я поняла, что соседка ждёт моей истории.

– Меня сбила машина.

У Марины округлились глаза. Она быстро окинула мою фигуру и, не заметив переломанных рук, ног, вывихнутой челюсти и ран, удивлённо протянула:

– Ты легко отделалась, в рубашке родилась. Знаешь, каких сюда привозят после аварий?

Я опустила глаза, вспомнив своё несчастное тело с дыхательной трубкой во рту, и вздохнула. А эту истеричку Милу автомобиль, скорее всего, совсем не задел.

В палату заглянула медсестра:

– Чурбанова, на анализ. Пешком сможете? Голова не кружится?

Голова не кружилась, я пошла в процедурную. Сестра натянула тонкие резиновые перчатки, аккуратно и ловко взяла анализ крови, попав в вену с первого раза, а потом проводила меня в кабинет врача, женщины средних лет с холёным лицом и красивой стрижкой. Я присела в предложенное кресло, по привычке опираясь руками о подлокотники, оберегая суставы.

– Чурбанова?

– Нет... то есть да. – Как тяжело привыкнуть к чужой фамилии!

– Состояние ваше в целом удовлетворительное, повреждений костей черепа нет, – сказала врач, бегло листая историю болезни и просматривая снимки. МРТ вам делали?.. А, вижу, делали... Место работы не записали... – увидела пустую графу и нацелилась ручкой. – Где и кем работаете?

Я замешкалась всего на секунду:

– Не работаю, домохозяйка.

Работающая женщина вряд ли окажется на улицах города в дневное время, да ещё и с ребёнком, поэтому рискнула предположить. Хронические болезни и операции отменяла сразу, из детских болезней назвала ветрянку, ребёнка оставила одного, поскольку он один и был вписан в паспорте в графе «дети».

В палате я застала умильную картину: Марина играла с «дочкой», воркуя и тряся над головой маленькой погремушкой.

– У тебя телефон звонил, – она оторвалась от куклы, покосилась в мою сторону, – Сонечку разбудил.

Телефон разразился громкой трелью, едва я протянула руку. На светящемся маленьком экранчике была лаконичная надпись – «Муж».

А кто у нас муж? Вот и он объявился, знакомься, Люся. Несколько секунд я таращилась на экран, не решаясь ответить, пока Марина не начала шипеть, что Сонечка пугается громких звуков.

– Да.

– Привет... Как ты? – Голос «моего» супруга был глуховатым, как будто натужным и сдавленным. Я попыталась вообразить, как мог выглядеть обладатель такого голоса.

– Привет. Нормально.

– Мне сказали, что тебя перевели из реанимации. Скоро выпишут?

– Не знаю. – Меня тяготил этот разговор с незнакомым человеком, хотелось быстрее отделаться от него.

– Мы со Стёпкой собираемся к тебе в больницу. Что-нибудь привезти?

Вот тут я разволновалась до потных ладошек. Подскочив с постели и забежав взад-вперёд по узкому пространству между койками, я стала уверять «мужа», что ни в чём не нуждаюсь, что у меня постельный режим, который нельзя нарушать, приезжать не надо.

– Как же я не приеду? – удивился тот.

– Нет-нет, не сегодня, в другой раз.

Он запнулся, обескураженный отказом, скомканно попрощался и сбросил звонок.

Я перевела дух. Как бы сейчас не посыпались звонки от родни и подруг! Отключила телефон и сунула в тумбочку.

– Извини...

– Что?

– Мила, извини, дело это не моё, конечно... но здесь разрешены посещения. Почему ты не позволила мужу приехать? Это ведь муж звонил, да? – Марина уложила куклу на подушку и внимательно наблюдала за мной.

Я промолчала, разглядывая свои ноги.

– Вы поссорились?

– Нет, мы не ссорились... Это не мой муж, – невольно сорвалось с языка.

И я ей всё рассказала... И про магазин, про ребёнка на пешеходном переходе, про реанимацию и чужое тело. Как-то само собой получилось. Ведь не собиралась, а расчувствовалась, расплакалась и выложила всё.

Марина молча протянула мне бумажную салфетку.

– Ты мне не веришь, понимаю, это звучит как выдумка.

– Какой тебе резон обманывать? Верю... ты ведь тоже не сомневаешься, что Соня – живой ребёнок? – Марина испытывающе посмотрела мне в лицо.

Я стойко выдержала взгляд и ответила, что не сомневаюсь. И даже на мгновение, глянув на куклу не своим, а её взглядом, увидела гукающего и улыбающегося младенца, сучившего ножками в ползунках.

Телефон вновь запищал.

– Её мать звонит!

– Сними трубку, – прошептала Марина, – если не ответишь – она разволнуется и примчится сюда, чего доброго.

Мне ничего не оставалось, как глубоко вдохнуть и принять вызов.

– Алло.

– Милочка! Слава богу, ты жива! – запричитал женский голос. – Как ты себя чувствуешь? Мы так волновались!

– Уже всё хорошо, мам, со мной всё в порядке, – пробормотала я, сделав над собой усилие. Странно было называть мамой женщину-ровесницу.

– Как же ты так неосторожно! Я ведь много раз говорила: держи Стёпу за руку на переходе, ведь знаешь, какой он нервный и своевольный, – всхлипнула она. – Сейчас мы приедем, знаю, как ты соскучилась. Котлеток твоих любимых нажарила, бутербродиков сделала... Приедем, тогда и поговорим. Целую! – выпалила она и отключилась.

Забиться бы куда-нибудь в кладовку и там пересидеть визит её родственников. А ещё лучше – уснуть и не просыпаться, пока не вернусь в своё тело.

– Ну? Что там? – нетерпеливо спросила Марина.

Я вытянулась на койке, закинув руки за голову:

– Ничего хорошего. Её мать едет сюда, даже не одна. Она сказала: «Мы приедем».

– А ты не хочешь? Боишься?

– Мариночка, мне шестьдесят четыре года, я умею поддержать разговор, умею и отказать безо всяких там реверансов. Но они – тоже люди. Любят свою дочь, переживают за её здоровье. Вот чего я не умею, так это притворяться, они поймут, что им не рады, что хотят побыстрее отделаться.

– Люся... можно тебя так называть? Люся, а она о тебе думала, когда толкала под машину? – выпалила Марина, неожиданно зло сверкнув глазами. – С какой стати тебе думать о её родне?

– Мне кажется, она не нарочно...

– Ай, нарочно или не нарочно – не имеет значения, следовательно разберётся.

Следовательно! Как же я не подумала об этом? Если было ДТП с причинением тяжёлого вреда здоровью, то обязательно заведут дело. А вдруг меня посадят?

Круглыми от страха глазами я уставилась на соседку и повторила вслух:

– А если меня посадят?

– За что? – удивилась Марина. – Это водителя посадят. А тебе придётся говорить, что бабушка споткнулась и упала. Что ты так смотришь? Осудят её, а сидеть тебе. Не думай об этом, решай проблемы по мере поступления. Сейчас Милины родители приедут... да и муж, скорее всего. Подготовься морально.

4

«Как в воду глядела Марина», – сказала я себе, увидев на пороге палаты людей в белых накидках. От волнения показалось, что их много, целая толпа, а на самом деле всего трое.

– Мама! – прозвенело на всю палату.

Тот самый мальчишка с пешеходного перехода, утонувший в накидке до пят, бросился ко мне и повис на шее. Мне захотелось оттолкнуть, отодрать эти цепкие ручонки от своей майки и прошипеть: «Я тебе не мама!», но не осмелилась, конечно же, чуть приобняла его и похлопала по спине. От него пахло улицей, ветром и мальчишеским потом.

– Доченька! – Как лодка под парусом, раскинув руки, на меня надвигалась невысокая полная женщина с крашеными светлыми волосами.

Объятия, поцелуи, причитания... Марина деликатно вышла, накрыв покрывалом куклу.

– Мы и Серёжу с собой взяли, – высморкавшись и вытерев платком глаза, сказала мать. – Как же это так, что муж к жене в больницу не придёт? Неправильно это, не по-человечески. Серёжа, где ты там, подойди, обними свою жену.

Вот чего не люблю, так это таких вот беспардонных предложений: поди поцелуй, поди обними... Да и не хочу я обниматься с чужим мужиком, которого ни разу не видела! Я бросила затравленный взгляд на дверь, где застрял «муж», занявший крупной фигурой весь проём.

Довольно молодой человек, на вид лет сорока или чуть моложе, был очень некрасив. Встретишь такого на улице, так подумаешь: «М-да... красота для мужчины – не главное. Может, он добрый и замечательный человек». Широкий выдающийся нос, светло-карие маленькие глаза, невыразительный рот, узкий лоб и кожа, как говорят, проблемная. Очень коротко стриженные рыжеватые волосы торчали ёжиком.

Он оторвался от двери и с улыбкой направился к моей койке, но, к счастью, ограничился пожатием руки.

– Ой, что это я... совсем забыла, я же тебе покушать принесла. Серёжа, дай сумку... – Мать стала выгружать из пакета судочки и контейнеры, завернутые в полотенца. – Вот здесь котлетки с капусточкой и картошкой, бутерброды с яичком и помидором, булочки... Ты кушай, кушай, пока горяченькое!

– Спасибо, – пробормотала я, не поднимая головы.

– Мила, что с тобой? – забеспокоилась мать. – Болит что-нибудь? Ты сама не своя.

Как это верно сказано, в самую точку!

– Да, у меня всё болит.

– Ох... мы уж Стёпочку ругали-ругали... Обещал больше так не делать и всегда маму слушаться. Съешь котлетку, здесь-то кормят неважно, я знаю.

От контейнеров шёл такой аппетитный запах, что невольно захотелось есть, я подцепила вилкой котлету и начала жевать, взяла бутерброд с кружочками яйца и помидора.

– Ну, мы в коридоре обождём, а вы пока с Серёжей поговорите. – Она поймала Стёпкину руку и выволокла его, упирающегося, в больничный коридор.

Я чуть не поперхнулась бутербродом. Остаться один на один с ним, с Милкиным мужем! А вдруг он будет меня трогать? Ну, то есть её, но всё равно меня, меня! Я ведь всё вижу, осязаю, чувствую... Я, а не она.

Сергей осторожно присел на краешек постели, сцепил в замок большие руки. На меня поглядывал украдкой, не прямо, что показалось мне странным – стесняется, что ли?

– Ну... как ты тут? – натужно сказал он.

– Нормально.

– Когда выпишут?

– Я не знаю...

– Мила, расскажи, что там произошло?

Там – это на переходе, понятно без уточнений. Да пожалуйста, я не собираюсь выгорать эту Милу.

– Твоя дорогая жена уткнулась в телефон и совершенно не обращала внимания на ноющего ребёнка. Тот обиделся и решил на зло маме отморозить уши – выбежал на дорогу.

С мстительным чувством я наблюдала, как меняется его лицо, как темнеют глаза, расширяются зрачки, отвисает челюсть, дыхание становится сбивчивым. Сергей поперхнулся и закашлялся.

– Надо было его за руку держать, ты ведь знаешь. – Он совершенно не обратил внимания, что я вела разговор в третьем лице.

– Надо! Что ж ты своей жене не внушил это?

– Да ведь я говорил...

– Пострадала совершенно посторонняя женщина, она в коме, состояние тяжёлое.

Сергей опустил глаза:

– Она хотела оттащить Стёпку...

Вот как! Признаться, такая идея в голову мне не приходила.

В палату зашла Марина и демонстративно плюхнулась на койку. Сергей стушевался, заёрзал и стал прощаться. Неловко приобнял, потому что я упёрлась обеими руками в его грудь, и вышел в коридор.

– Спасибо, Мариночка.

– Не за что. Я почувствовала, что пора тебя выручать, – улыбнулась соседка. – Бедная Сонечка чуть не задохнулась под одеялом, да, детка моя?.. Ой, как вкусно пахнет!

– Присоединяйся, – пригласила я, – котлеты с капустой и картошкой, бутерброды. Всё очень вкусно.

Дни шли за днями. Вчера, сегодня, завтра... Утренний обход, процедуры, обследования...

– Очень хорошо, – говорила врач, листая историю и пробегая глазами вклеенные результаты анализов с непонятными каракулями, – послезавтра можно выписывать.

У меня сердце ухнуло куда-то в живот, подняв волну холодного страха. Ведь знала, что рано или поздно это случится, но надеялась оттянуть момент.

Наверно, все чувства были написаны на моём лице, потому что врач спросила удивлённо:

– Что случилось? Вы не рады?

– Рада...

Ну не рассказывать же ей, что я панически, до одури, боюсь оказаться за больничным порогом. Там – не моя жизнь. И пусть они не думают, что я безропотно буду подчиняться их правилам. Кто – они? Да все. И её родители, и муж, и сын, и свёкры, и ещё бог знает кто.

Её жизнь врывалась в мою телефонными звонками, посещениями, отражением в зеркале, хриловатым, грубым голосом, фразами, вроде этой: «Чурбанова, на процедуры!» И если бы не Марина, то мне пришлось бы совсем тяжко.

Ночами мы с ней тихонько шептались, сблизив головы, чтобы не разбудить поступившую накануне соседку.

– Хочу сбежать отсюда, уже кое-что придумала, – призналась я.

– Что придумала?

– Пройду через подвал в поликлинику, а оттуда спокойно выйду на улицу, никто внимания не обратит.

Марина помолчала, переваривая услышанное, и спросила:

– Ну сбежишь, допустим, а потом куда?

– Домой, конечно, к себе домой. – Я взглянула на бледное Мариного лицо от голубоватого света, льющегося из больничного коридора.

– А ключи у тебя есть? – улыбнулась она.

– Нету, но есть запасной комплект у соседки. На всякий пожарный случай.

– Так она тебе и отдала! Соседка знает тебя прежнюю, а не эту девицу.

Ох, я же совсем забыла! Никак не могу привыкнуть к чужому лицу, телу... Смотрю в зеркало – вздрагиваю. Разговариваю – и каждый раз поражаюсь этому голосу.

– Что же делать? – жалобно спросила я. – Не хочу жить с этим ребёнком, который будет поминутно дёргать меня, ныть, чего-то требовать. И с чужим мужиком... ведь он мне совсем не нравится.

– А если бы нравился? – коварно спросила Марина.

– Да ну тебя! Для меня был идеалом мужчины покойный муж.

– Ладно, не злись... Не надо сбегать, некуда тебе идти.

– Но я не хочу жить с чужими людьми! – вырвалось у меня громче чем следовало.

– Кто тебя может принудить?.. Правильно, никто. Уйдёшь от этого Сергея, оставишь ему Стёпку и будешь свободна, как птаха в полёте. Ты ему никто. И ребёнку тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.